

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

С. В. Борисов
А. В. Жеребченко

**Современные проблемы
квалификации преступлений
экстремистской направленности**

Учебное пособие

Москва
2018

ББК67.408.131
Б82

Борисов С. В., Жеребченко А. В.

Современные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности : учебное пособие / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 72 с. – ISBN 978-5-9694-0630-8

Учебное пособие отражает результаты проведенного авторами теоретико-правового анализа экстремизма и некоторых проблем юридической оценки деяний, образующих преступления экстремистской направленности.

В пособии анализируется действующее законодательство, составляющее основу противодействия экстремизму, а также сложившаяся следственно-судебная практика по проблемным вопросам темы.

Предназначено для сотрудников правоохранительных органов, студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава учебных заведений юридического профиля.

ББК67.408.131

Рецензенты: ведущий научный сотрудник второго отдела НИЦ ФГКУ ВНИИ МВД России, кандидат юридических наук ***Артюшенко Е. И.***; заместитель начальника МУ МВД России «Мытищинское» ***Сабатов С. А.***

ISBN 978-5-9694-0630-8

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2018

© Борисов С. В., 2018

© Жеребченко А. В., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Г л а в а I. Теоретико-правовой анализ экстремистской деятельности (экстремизма)	7
§ 1. Международно-правовые предпосылки противодействия экстремистской деятельности (экстремизму)	7
§ 2. Особенности уголовно-правового определения экстремистской деятельности (экстремизма) в России	19
Г л а в а II. Отдельные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности	36
§ 1. Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности с использованием информационных технологий ...	36
§ 2. Соотношение преступлений экстремистской направленности с иными уголовно наказуемыми деяниями	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	57

ВВЕДЕНИЕ

Экстремистская деятельность (экстремизм) на текущий момент перестала быть понятием исключительно социологическим и политологическим, хотя первоначально в юриспруденцию она была заимствована из указанных общественных областей знаний. В настоящее время соответствующий термин весьма широко представлен во всех отраслях российского права. Уже невозможно представить современное законодательство без норм, предусматривающих уголовную ответственность за деяния, образующие экстремистскую деятельность (экстремизм)¹.

Следует заметить, что «экстремизм» является дефиницией, имеющей иностранное происхождение, ранее не обладавшей ярко выраженным правовым содержанием, но затем прочно вошедшей в правовой оборот.

Экстремизм (франц.) – это приверженность к крайним взглядам и мерам, а, соответственно, экстремист – это человек, придерживающийся крайних взглядов, сторонник крайних мер².

Проблема экстремизма, несомненно, обусловлена комплексом обстоятельств, имеющих социальный, правовой, политический и экономический подтекст. К данным обстоятельствам, в числе прочих, относятся негативные последствия глобализации, растущее социальное неравенство внутри российского социума, а также на постсоветском и мировом пространстве, возрождение неофашистских настроений, религиозного фундаментализма и соответствующих им общественных объединений, пропагандирующих идеи расизма, религиозной нетерпимости и национализма, трудности в законодательном отражении данных явлений и практическом противодействии последним. Эти и многие другие моменты привлекают внимание политиков, ученых, судей, сотрудников правоохранительных органов и равнодушных представителей общественности, вызывают острые дискуссии и, пожалуй, даже некоторую растерянность перед лицом сохраняющейся и нарастающей угрозы экстремизма. Данная ситуация усугубляется далеко не совершенством законодательством, направленным на противодействие экстремистской деятельности, отсутствием единообразия в следственной и судебной практике, связанной с квалификацией пре-

¹ Жеребченко А. В. К вопросу о законодательном и судебном подходах к уголовно-правовому пониманию экстремистской и террористической деятельности // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 4. – С. 130.

² Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф. Н. Петров. 2-е изд. М., 1942. С. 755.

ступлений экстремистской направленности, а также недостаточным вниманием ученых к исследованию проблем.

Преступления экстремистской направленности характеризуются положительной динамикой с тенденцией к дальнейшему росту их числа и совокупной общественной опасности. Так, в 2017 г. за преступления экстремистской направленности были постановлены обвинительные приговоры в отношении 658 лиц по основной квалификации и 190 лиц – по дополнительной. Для сравнения, в 2016 г. за те же преступления были постановлены обвинительные приговоры в отношении 523 лиц по основной квалификации и 146 лиц – по дополнительной.

Квалификация преступления предполагает сопоставление фактических признаков совершенного деяния с признаками составов преступлений, содержащихся в уголовном законе, а также связана с констатацией определенной юридической оценки содеянного. Поэтому рассмотрение вопросов квалификации в теоретических разработках затрагивает как первый (фактические признаки деяний), так и второй (признаки конкретных составов преступлений) компоненты данного процесса.

Следует отметить, что преступления экстремистской направленности занимают все более заметное место в общей структуре преступности¹, становятся привычным явлением в жизни общества, представленного множеством социальных групп, разделяемых между собой как национальной либо расовой принадлежностью, так и религиозными, политическими и иными идеологическими предпочтениями.

Негативные изменения и тенденции в межгрупповых социальных отношениях наблюдаются не только в России, но и в большинстве других стран, ставших заложниками процессов глобализации.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года также отмечается, что на обеспечение национальных интересов негативное влияние будет оказывать дальнейшее развитие националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма, национального экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма².

¹ Так, в 2009 г. было зарегистрировано 548 преступлений экстремистской направленности, что на 19,1 % больше, чем в 2008 г., когда было зарегистрировано 460 данных преступлений (на 29,2 % больше, чем в 2007 г.). См.: состояние преступности за 2007–2009 годы. М. : ГИАЦ МВД России, 2010.

² См.: п. 10 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. – 2009. – 19 мая.

При этом в Стратегии подчеркивается, что одним из основных источников угроз национальной безопасности выступает «экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране»¹. Здесь же указываются и стратегические цели обеспечения национальной безопасности, в том числе защита основ конституционного строя Российской Федерации и сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе за счет постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма и других преступных посягательств².

Убеждены, что достижение обозначенных целей невозможно без комплексного изучения экстремизма как собирательного негативного социально-правового явления, прежде всего, в его уголовно-правовом аспекте.

Несмотря на широкое употребление терминов «экстремистская деятельность» и «экстремизм», многие специалисты, применяющие закон, да и простой обыватель сталкиваются с проблемами в сущностном понимании этих одновременно и социальных, и правовых понятий.

В учебном пособии преступления экстремистской направленности рассматриваются с учетом проблем законодательства, теории и практики. При этом выделяются дискуссионные вопросы, касающиеся толкования признаков составов преступлений экстремисткой направленности, а также юридической оценки данных уголовно наказуемых деяний.

¹ См.: п. 37 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. – 2009. – 19 мая.

² См.: п. 35 и п. 36 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. – 2009. – 19 мая.

Глава I. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЭКСТРЕМИЗМА)

§ 1. Международно-правовые предпосылки противодействия экстремистской деятельности (экстремизму)

Экстремизм и его проявления, основанные на национальной, расовой, религиозной, а также иной ненависти и вражде (преступления экстремистской направленности), являются общемировой проблемой, требующей согласованного и даже унифицированного подхода сотрудничающих государств¹.

Применительно к Российской Федерации отметим, что преступления экстремистской направленности характеризуются положительной динамикой с тенденцией к дальнейшему росту их числа и совокупной общественной опасности.

Для многих стран Европы 2015, 2016 и 2017 годы прошли в контексте миграционного кризиса, роста экстремистской и террористической опасности, повышения влияния радикальных организаций. Рост экстремистских настроений сопровождался углублением неравноправного положения беженцев и иммигрантов. При этом наблюдаются высокий уровень общественного антисемитизма и исламофобии, имеющий место на протяжении многих лет, а также многократные случаи так называемого институционального расизма в государственных, в том числе правоохранительных, органах. Можно утверждать, что современное европейское общество находится в процессе этнического, религиозного и расового расслоения, происходящего на фоне разрастания межкультурных противоречий².

Очевидно, что международно-правовое сотрудничество в части формирования и применения законодательства об ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и другие преступные проявления экстремизма играет ключевую роль для развития национальных правовых систем по противодействию этим социально-правовым явлениям.

Не вызывает возражений позиция А. И. Рарога, считающего, что «взаимодействие российского законодательства с международным уголовным правом осуществляется, во-первых, путем расширения в

¹ Брунер Р. А., Борисов С. В. Международно-правовое понятие экстремизма (экстремистской деятельности) // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 119–122.

² Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в Европе в 2015 году. М. : Эдитус, 2016. С. 4.

Уголовном кодексе Российской Федерации перечня составов преступлений за счет норм, имеющих международно-правовое происхождение, а во-вторых, путем уточнения норм российского уголовного законодательства и приведения их в соответствие с нормами международного уголовного права»¹.

Считаем важным остановиться на основных положениях международно-правовых норм, определяющих общие подходы правового воздействия на проявления ненависти и вражды между различными социальными группами и их представителями.

Здесь, в первую очередь, стоит выделить Всеобщую декларацию прав человека, принятую на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 г.²

Преамбула Всеобщей декларации прав человека содержит, например, такие основополагающие положения:

1) признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира;

2) создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей;

3) признание необходимости содействия развитию дружественных отношений между народами;

4) провозглашение Всеобщей декларации прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов ООН, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Основная часть Всеобщей декларации прав человека указывает на необходимость учета при формировании и применении национально-

¹ Рарог А. И. Принцип системности права и развитие уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сборник материалов третьей Международной научно-практической конференции. М., 2006. С. 3.

² Российская газета. – 1998. – 10 декабря.

го законодательства, связанного с противодействием экстремистской деятельности, следующих общепризнанных международных правил¹.

1. Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства (ст. 1).

2. Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения (абз. 1 ст. 2).

3. Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации (ст. 7).

4. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков (ст. 18).

5. Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19).

6. Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены (ст. 28).

Всеобщая декларация прав человека получила свою конкретизацию в Международном пакте о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.)², среди норм которого для противодействия экстремизму наибольшее значение приобрела ч. 2 ст. 20, изложенная в следующей редакции: «Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию,

¹ Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 107.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

должно быть запрещено законом». При этом призыв к запрещению указанных видов деятельности в данной статье приравнен к запрету всякой пропаганды войны.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.¹ явилась продолжением реализации положений Всеобщей декларации прав человека с целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав.

Данная Конвенция содержит следующие положения относительно области противодействия проявлениям ненависти и вражды в обществе.

Во-первых, в ст. 9 Конвенции провозглашено право на свободу мысли, совести и религии. При этом отмечается, что свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Во-вторых, ст. 10 Конвенции провозглашает право каждого свободно выражать свое мнение, в том числе свободно придерживаться своего мнения, свободно получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей. Вместе с тем, осуществление данных свобод может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений², ей принятая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. № 36/55 в продолжение темы противодействия экстремизму, содержит следующие общие положения.

1. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору (ч. 2 ст. 1).

2. Никто не должен подвергаться дискриминации на основе религии или убеждений со стороны любого государства, учреждения,

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2, ст. 163.

² СПС «КонсультантПлюс».

группы лиц или отдельных лиц (ч. 1 ст. 2). При этом «нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод (ч. 2 ст. 2).

3. Дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами» (ст. 3).

4. Все государства должны принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений в признании, осуществлении и реализации прав человека и основных свобод во всех областях гражданской, экономической, политической, социальной и культурной жизни (ч. 1 ст. 4).

5. Все государства прилагают все усилия по принятию или отмене законодательства, когда это необходимо, для запрещения любой подобной дискриминации, а также для принятия всех соответствующих мер по борьбе против нетерпимости на основе религии или иных убеждений в данной области (ч. 2 ст. 4).

Аналогичные положения содержится в Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.)¹:

1) всякая теория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном – предосудительна и в социальном – несправедлива и опасна и что не может быть оправдания для расовой дискриминации, где бы то ни было, ни в теории, ни на практике (абз. 7 Преамбулы);

2) дискриминация людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения является препятствием к дружественным и мирным отношениям между нациями и может привести к нарушению мира и безопасности среди народов, а также гармоничного существования лиц даже внутри одного и того же государства (абз. 8 Преамбулы);

3) расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения,

¹ СПС «КонсультантПлюс».

имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни (ч. 1 ст. 1);

4) каждое государство-участник обязуется не поощрять, не защищать и не поддерживать расовую дискриминацию, осуществляемую какими бы то ни было лицами или организациями (п. «b» ч. 1 ст. 2);

5) каждое государство-участник должно, используя все надлежащие средства, в том числе и законодательные меры, в зависимости от обстоятельств, запретить расовую дискриминацию, проводимую любыми лицами, группами или организациями, и положить ей конец (п. «с» ч. 1 ст. 2).

6) объявляет караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование (п. «a» ст. 4);

7) признает противозаконным и запрещает организации, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом (п. «b» ст. 4).

На наш взгляд, правильному пониманию объекта преступлений экстремистской направленности может служить международно-правовое определение терпимости¹, сформулированное в ст. 4 Декларации принципов терпимости², изложенной в следующей редакции:

1.1. Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и

¹ Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности : монография / отв. ред. С. В. Борисов. М. : Юриспруденция, 2015. С. 144.

² Декларация принципов терпимости (утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.) // Официальный сайт ООН. Раздел «Декларации». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/tolerance.shtml (дата обращения: 28.10.2017).

убеждений. Терпимость – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2. Терпимость – это не уступка, снисхождение или потворство. Терпимость – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, терпимость должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3. Терпимость – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Терпимость – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека.

1.4. Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

Применение национального уголовного законодательства об ответственности за экстремистскую деятельность также должно учитывать следующие положения Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации¹.

1. Плюралистическая демократия и свобода политической дискуссии требуют, чтобы общество получало информацию по всем вопросам жизни общества, что предполагает право средств массовой информации распространять негативную информацию и критические мнения о политических деятелях и государственных должностных лицах, а также право общества знакомиться с ними.

2. Государство, правительство и любые другие институты исполнительной, законодательной и судебной власти могут подвергаться критике в средствах массовой информации. В связи с их господ-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

ствующим положением, эти институты не должны быть защищены посредством уголовного законодательства от клеветнических и оскорбительных утверждений. Причем, в тех случаях, когда данные институты пользуются такой защитой, она должна применяться в ограниченной степени, чтобы никоим образом не ущемлять свободу критики. Лица, представляющие эти институты, сохраняют право на индивидуальную защиту.

3. Политические деятели решают заручиться общественным доверием и соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии, а значит, общество может осуществлять за ними строгий контроль и энергично, жестко критиковать в средствах массовой информации то, как они выполняли или выполняют свои обязанности.

4. Государственные должностные лица должны согласиться стать объектом общественного контроля и критики, в частности посредством средств массовой информации, в отношении того, как они исполняют или исполняли свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

5. Юмор и сатира допускают высокую степень преувеличения, даже провокации, при условии, что общество не вводится в заблуждение относительно фактической стороны дела.

Положения данной Декларации нашли свое отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹ и «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»².

В последние годы влияние на развитие уголовного законодательства Российской Федерации стали оказывать нормы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – в состав которой входят Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, Кыр-

¹ Абзац 4 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // Российская газета. – 2010. – 18 июня.

² Абзац 3 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 2011. – 4 июля.

гизская Республика, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, – относящиеся к региональному международному праву¹.

Так, международно-правовое определение экстремизма дается в п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, где указано следующее: Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»².

Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что понятие экстремизма в национальном законодательстве должно включать либо существенные и уникальные признаки, позволяющие выделить соответствующие им уголовно наказуемые деяния, либо (и) содержать указание на конкретные наименования преступлений и (или) статей Особенной части УК РФ.

При этом в ч. 2 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом подчеркивается, что настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье. То есть в российском законодательстве понятие экстремизма (экстремистской деятельности) может быть более широким по содержанию и объему.

Можно не согласиться с точкой зрения ученых, считающих, что понятие экстремизма, приводимое в Шанхайской конвенции, указывает на насилие как на основной криминообразующий признак данного явления, без которого состав преступного экстремизма отсутству-

¹ Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права : учебное пособие / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова; отв. ред. В. С. Комиссаров. М. : ИД «Городец», 2009. С. 37.

² Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 41, ст. 3947.

ет¹. Как было отмечено ранее, Шанхайская конвенция не ограничивает участвующие в ней страны, в том числе и Россию, в возможности рассматривать экстремизм как более широкое явление, а значит, насилие может и не являться его неотъемлемым криминообразующим признаком.

На тридцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 32-9 от 14 мая 2009 г.) был принят Модельный закон о противодействии экстремизму², устанавливающий основные принципы противодействия экстремизму, правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также ответственность за ее осуществление.

Отметим, что в ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму (далее – Модельный закон) понятия экстремистской деятельности и экстремизма не только не используются как синонимы, но еще и разделены между собой.

Так, под экстремизмом в Модельном законе понимается посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения. Экстремистская же деятельность рассматривается в основном за счет определения объема этого понятия, а именно как деятельность общественного или религиозного объединения, средства массовой информации либо иной организации, физического лица по планированию, организации, подготовке или совершению действий, направленных на совершение деяний, перечисленных в ст. 1 Модельного закона.

Полагаем, что решение о разделении понятий экстремизма и экстремистской деятельности было принято с учетом сходной позиции относительно терроризма и террористической деятельности. Вместе с тем, по нашему мнению, не следует забывать о том, что экстремизм, как, впрочем, и терроризм, представляет собой социально-правовое явление, в котором первооснову составляет именно деятельность,

¹ Гречухин М. А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики : сборник материалов Международной научно-практической конференции. М. : Международный юридический институт, 2011. С. 446–450.

² Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 2009. – № 44.

проявляемая в социуме¹. Поэтому экстремизм и экстремистскую деятельность целесообразно рассматривать в качестве синонимичных понятий, что позволит избежать еще большей путаницы в теории и практике противодействия соответствующему явлению. Представляется необходимым в определении экстремистской деятельности (экстремизма) указать как объем данного понятия, так и его содержание, а не прибегать к искусственному разделению одного и того же явления на две составляющие.

Модельный закон относит к экстремистской деятельности деяния, имеющие следующую направленность:

- на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности и суверенитета государства;
- публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности;
- разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека (социальной группы) по признаку его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, должностных лиц указанных органов, комиссий, объединений или организаций, совершенное с применением насилия либо угрозой его применения, а равно применение насилия либо угроза его применения в отношении близких указанных должностных лиц в целях воспрепятствования законной деятельности этих должностных лиц или при-

¹ Иванцов С. В. Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, Крымский филиал, 2015. С. 368–374.

нуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за ее осуществление;

– совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также из мести за правомерные действия других лиц, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение;

– пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и других видов связи, а также оказания информационных услуг.

Представляется, что своеобразным прообразом, основой для данного Модельного закона послужил Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». При этом, по нашему мнению, при разработке Модельного закона не были учтены многие проблемы национального законодательства и правоприменения, существовавшие в России и других странах-участницах СНГ относительно противодействия экстремизму¹. К таким сложностям, в частности, до настоящего времени относятся: 1) отсутствие разделения или иного определения соотношения правовых понятий экстремистской деятельности (экстремизма) и терроризма; 2) отсутствие нормативно определенных критериев для отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности (экстремизму), кроме соответствующего перечня действий; 3) включение в данный перечень как уголовно, так и административно наказуемых деяний.

В качестве вывода необходимо отметить, что проблема экстремизма (экстремистской деятельности) давно вышла за пределы государственных границ и приобрела международный характер. Это обстоятельство,

¹ Борисов С. В. Проблемы формирования международно-правовых понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности // Союз криминалистов и криминологов. – 2013. – № 2. – С. 58.

безусловно, требует большой сплоченности по борьбе с проявлениями национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды, а равно другими формами нетерпимости. На уровне международных актов, декларирующих недопустимость экстремистских проявлений, существует достаточная правовая база для выстраивания национальных уголовно-правовых линий борьбы с этим социальным злом. Фундаментальным аспектом здесь выступают наличие единства в международном признании проблем ксенофобии и нетерпимости, а также готовность стран цивилизованного мира на основе национальных законодательств противостоять экстремизму всеми доступными средствами, в том числе путем выстраивания единообразного подхода к установлению и реализации мер уголовной ответственности за соответствующие деяния.

§ 2. Особенности уголовно-правового определения экстремистской деятельности (экстремизма) в России

Понятие преступлений экстремистской направленности изначально вызывало и продолжает вызывать значительное число научных дискуссий, а также ошибок при квалификации соответствующих деяний в следственной и судебной практике.

В 2002 г. УК РФ¹ был дополнен сначала статьей 205¹, а затем и статьей 282¹, признающими уголовно наказуемыми, соответственно, вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению и организацию экстремистского сообщества. В данных нормах были указаны принципиально новые для российского уголовного законодательства понятия: в названии ст. 205¹ УК РФ – «преступления террористического характера»; в ч. 1 ст. 282¹ этого УК – «преступления экстремистской направленности».

На сегодняшний день с учетом последних изменений и дополнений, внесенных в УК РФ, признаки организации террористического сообщества и участия в нем (ст. 205⁴ УК РФ), организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации (ст. 205⁵ УК РФ), а также финансирование терроризма (ч. 1, 2 ст. 205¹ УК РФ) являются практически «зеркальным отображением», соответственно, признаков организации экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ), организации деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ) и финансирования экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ).

¹ Здесь и далее под УК РФ понимается Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 года.

В частях первых ст.ст. 205¹ и 282¹ УК РФ был приведен перечень статей об ответственности за отмеченные преступления, часть которых располагалась не только в различных главах, но даже в разных разделах Особенной части УК РФ. В настоящее время ст. 205¹ УК РФ носит название «Содействие террористической деятельности»¹, причем понятие «террористическая деятельность» по своему содержанию и объему совпадает с ранее использованным понятием «преступления террористического характера».

Статья 282¹ УК РФ также претерпела значительные изменения: во-первых, из диспозиции части первой был исключен перечень уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистской направленности; во-вторых, данная статья УК РФ была дополнена примечанием 2, в котором приведено понятие преступлений экстремистской направленности без выделения их конкретных видов.

Понятие преступлений экстремистской направленности ранее выводилось из содержания диспозиции, содержащейся в ч. 1 ст. 282¹ УК РФ первоначальной редакции, и определялось как уголовно наказуемые деяния, совершаемые по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные ст.ст. 148, 149, частями первой и второй ст. 213, ст.ст. 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ. То есть в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ приводился исчерпывающий перечень следующих преступлений экстремистской направленности:

- воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ);
- воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ);
- хулиганство (ст. 213 УК РФ);
- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ);
- вандализм (ст. 214 УК РФ);
- надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ);

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I), ст. 3452.

– публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);

– возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

После отмеченных ранее законодательных изменений преступления экстремистской направленности стали определяться в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ как уголовно наказуемые деяния, «совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса». Анализ приведенного определения позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, слово «мотив» использовано законодателем во множественном числе, то есть преступления экстремистской направленности с субъективной стороны могут характеризоваться не одним, а несколькими побуждениями из числа указанных в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ.

Во-вторых, основу мотивации лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, составляют ненависть или вражда, имеющие политическую, идеологическую, расовую, национальную, религиозную окраску либо направленные против представителей какой-либо социальной группы.

В-третьих, ненависть, вражда, а также их основания перечислены в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ в виде альтернативных, равнозначных в уголовно-правовом значении признаков, что дает возможность констатировать наличие в деянии собственно экстремистской направленности при сочетании ненависти или вражды с каким-либо из оснований их возникновения.

В-четвертых, слова «ненависть» и «вражда» использованы в уголовном законе в качестве различающихся между собой понятий, сопоставленных и четко разграниченных в уголовно-правовых исследованиях¹.

В-пятых, большинство ученых стоят на позиции, что признание экстремистской направленности за каким-либо преступлением допускается в следующих случаях: 1) указание на соответствующие мотивы непо-

¹ Жеребченко А. В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

средственно содержится в норме Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за данное преступление; 2) деяние фактически совершено по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, совпадающим с ранее выделенными побуждениями, характеризующими такую направленность¹. Если следовать данной позиции, можно утверждать, что перечень преступлений экстремистской направленности является довольно объемным, так как под определение таких деяний в настоящее время можно подвести практически любое уголовно наказуемое действие, совершенное по соответствующим мотивам. Представляется, что такое понимание примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ, обусловленное неудачной редакцией последнего, еще более размывает уголовно-правовые рамки экстремизма, распыляет финансирование программ по противодействию данному явлению, а также усилия правоохранительных органов в этой области.

Приведенные моменты позволяют утверждать, что сущность, основу экстремистской направленности составляют ненависть либо вражда виновных в отношении представителей социальных групп либо таких групп в целом, разделяемых между собой по признакам определенной политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной либо иной принадлежности.

В толковом словаре русского языка термины «ненависть» и «вражда» определяются за счет взаимного использования друг друга. Так, под ненавистью понимается «чувство сильной вражды, злобы»², а под враждой — «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью»³.

Вместе с тем, по нашему мнению, в уголовно-правовом смысле содержание понятий «ненависть» и «вражда» не является идентичным.

Термин «вражда» в современном языке практически не используется, в научном же обороте, а именно в психологии, он трансформи-

¹ Павлинов А. В. Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): сборник научных трудов / науч. ред. С. В. Максимов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 214; Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор: методическое пособие / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 34.

² Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка имени В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. С. 408.

³ Там же. С. 102.

ровался во «враждебность». Однако, если «враждебность» понимается, скорее, как интрапсихическое образование, то «вражда» наряду с внутренним психическим компонентом включает также и внешние практические (конфликтные, деструктивные) действия по отношению к своему объекту¹.

Ненависть же определяется в психологии как «стойкое активное отрицательное чувство человека, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям, ценностям», способное «вызывать не только соответствующую оценку своего предмета, но и агрессивное поведение, направленное против него»².

Приводя те же определения вражды и ненависти, ученые приходят к выводу, что «ненависть является наиболее ярко выраженной, возможно, крайней формой проявления вражды»³. Однако, по нашему мнению, ненависть может составлять основу вражды, а не наоборот, так как приведенные определения позволяют утверждать, что вражда всегда означает действенное противостояние, а ненависть лишь предполагает такую возможность. Следовательно, когда лицо, ненавидя кого-либо, готово перейти к активным действиям против соответствующего объекта, можно вести речь о возникновении вражды по отношению к последнему. Кроме того, именно в такой последовательности термины «ненависть» и «вражда» употребляются в наименовании и в тексте диспозиции ст. 282 УК РФ, а также в примечании 2 к ст. 282¹ этого УК. Вместе с тем, отметим, что для юридической оценки того или иного деяния как преступления экстремистской направленности разграничение понятий вражды и ненависти не имеет существенного значения – важно доказать одно либо другое, а равно их сочетание в качестве содержания направленности общественно опасных действий. Однако для целей назначения справедливого наказания следует установить и доказать, какое именно чувство испытывал виновный по отношению к соответствующей социальной группе и (или) ее представителям – ненависть либо вражду. Полагаем, что суд при постановлении обвинительного приговора должен учитывать, что лицо, испытывающее и проявляющее вражду, представляет большую опасность, нежели тот, кто ограничивается только ненавистью.

¹ Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. А. Р. Ратинова. М. : Юрлитинформ, 2005. С. 50.

² Краткий психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. С. 206.

³ Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Указ. соч. С. 50.

Для конкретизации уголовно-правового содержания терминов «ненависть» и «вражда» важно учитывать взаимное смысловое влияние, с одной стороны, понятия «экстремистская направленность» и указанных дефиниций, с другой. Остановимся на толковании словосочетания «экстремистская направленность».

Слово «экстремистский» является производным от термина «экстремизм» (от латинского слова «extremus»), определяемого как «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)»¹. Различным словам сходный смысл придает приставка «экстра...», образующая имена существительные и прилагательные со значением: 1) высший, например экстракласс; 2) выходящий за пределы обычного, например экстраординарный; 3) экстренный, например экстрапочта². Полагаем, что для правильного понимания прилагательного «экстремистский» целесообразно использовать приведенное толкование термина «экстремизм» и приставки «экстра...» отчасти в ее первом и преимущественно во втором значении.

Под направленностью филологами понимается целеустремленная сосредоточенность на чем-нибудь мыслей, интересов³. Причем в преступлениях экстремистской направленности мысли и интересы виновных сосредоточены на ненависти либо вражде в отношении представителей определенных социальных групп.

Исходя из приведенных определений, можно утверждать следующее.

Первое. Экстремистская направленность преступлений предполагает выходящее за рамки допустимого в обществе негативное отношение к определенным социальным группам и (или) их представителям, основанное на ненависти либо вражде к данным группам и соответствующим индивидам.

Второе. Такое отношение обусловлено конкретным отличительным признаком (признаками) этих социальных групп и (или) их представителей: приверженность определенной идеологии, направлению в политике, принадлежность к какой-либо ненавистной расе, национальности либо религии.

Третье. Содержание умысла виновного в том или ином преступлении экстремистской направленности включает в себя желание совершить общественно опасное деяние именно в отношении указанных групп и (или) их представителей, а равно в связи с существованием

¹ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 908.

² Там же. С. 908.

³ Там же. С. 389.

последних (например, сожжение вывески ресторана какой-либо национальной кухни). При этом виновный осознает, что в своем противоправном поведении он проявляет соответствующие ненависть либо вражду и желает их продемонстрировать.

На основе изложенного материала позволим себе сделать некоторые критические замечания по поводу законодательного определения преступлений экстремистской направленности.

Во-первых, слово «направленность» в обозначенном контексте должно означать стремление виновных достичь определенного преступного результата, а не совершение ими деяний на основе тех либо иных уже существующих в психике мотивов, тогда как указанные преступления не имеют какой-либо определенной в законе цели, к достижению которой направлены усилия виновных. Поэтому данные преступления обладают не направленностью, а характером, так как никуда и ни к чему не направлены, а отличаются от других уголовно наказуемых деяний в основном присущими им специфическими мотивами. Исходя из этого, считаем, что в настоящее время в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ определяются не преступления экстремистской *направленности*, а преступления экстремистского *характера*. Данное утверждение основано на принятом в филологии понимании слова «характер» в его соотношении с приведенным ранее толкованием термина «направленность».

В используемом нами толковом словаре русского языка слово «характер» определяется в двух значениях: 1) совокупность психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении; 2) отличительное свойство, особенность, качество чего-нибудь¹. Полагаем, что относительно рассматриваемых преступлений следует исходить из второго значения слова «характер». Вместе с тем, в настоящей работе будет использоваться словосочетание «преступления экстремистской направленности» с тем, чтобы не отступать от положений уголовного закона.

Если же именовать определенные общественно опасные деяния преступлениями экстремистской направленности, то в определении последних необходимо указать то, на что направлены мысли виновных, что они желают достичь в результате совершения уголовно наказуемого деяния. По нашему мнению, таким результатом может быть возбуждение у этих лиц ненависти либо вражды в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Считаем, что

¹ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 860.

именно такой результат позволит обосновать необходимость выделения самостоятельной группы уголовно наказуемых деяний – преступлений экстремистской направленности.

Во-вторых, следует признать недопустимым использование в законодательном определении преступлений экстремистской направленности излишне обобщенного словосочетания «какая-либо социальная группа» без указания определенных и существенных отличительных признаков такой группы. Буквальное толкование данного словосочетания позволяет подвести под соответствующее понятие любую из неисчислимого множества социальную группу, например, группу болельщиков каждой из существующих спортивных команд, все преступные группы и т. д.¹, что может привести к неоправданно широкому применению уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистской направленности.

Полагаем, что в законодательном определении преступлений экстремистской направленности следует привести исчерпывающий перечень отличительных признаков социальных групп и их представителей, вызывающих ненависть либо вражду виновных. Представляется, что такими признаками должны быть наиболее существенные из них, причем вызывающие ненависть либо вражду в самых крайних формах на протяжении всей истории человеческого общества: принадлежность к определенной расе либо национальности (этносу), обладание отличающимся цветом кожи, отношение к религии.

Наконец, в-третьих, буквальное толкование примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ приводит к выводу, что преступления экстремистской направленности должны быть предусмотрены соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части первой статьи 63 этого УК. Однако преступление не может быть предусмотрено никакой статьей (статьями) Общей части УК РФ, в том числе п. «е» ч. 1 ст. 63 этого УК, где приводится лишь перечень побуждений, свидетельствующих об экстремистской направленности деяния и отягчающих наказание за его совершение.

Последнее из приведенных критических замечаний указывает еще на одну довольно существенную проблему уголовного закона и правоприменения, обусловленную недочетом законодательной техники. Дело в том, что при буквальном толковании примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ можно и, пожалуй, даже нужно прийти к выводу, что перечень

¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М. : ИД «Городец», 2007. С. 41.

преступлений экстремистской направленности очерчен лишь теми статьями Особенной части УК РФ, которые непосредственно содержат указание на соответствующие побуждения, так как в п. «е» ч. 1 ст. 63 данного нормативного правового акта не предусмотрено ни одного преступления, а лишь содержится указание на мотивы деяния, выступающие в роли обстоятельства, отягчающего наказание.

Отмеченная ситуация вынуждает ученых и правоприменителей прибегать к логическому толкованию уголовного закона и утверждать, а точнее – предполагать, что к преступлениям экстремистской направленности относятся и другие общественно опасные деяния, совершенные по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ¹. С нашей точки зрения, данное утверждение (предположение) не рассеивает сомнения относительно возможности единообразного толкования действующего законодательного определения преступлений экстремистской направленности и, как следствие, при рассмотрении конкретного уголовного дела оно должно «разбиваться» о принцип презумпции невиновности, гласящий, в частности, что все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого, а обвинительный приговор не может быть основан на предположениях².

Таким образом, считаем, что в настоящее время к преступлениям экстремистской направленности следует относить только те уголовно наказуемые деяния, совершение которых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы непосредственно предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Вместе с тем, полагаем, что система преступлений экстремистской направленности будет неполной, если в нее не включить такие уголовно наказуемые деяния, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова и Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2008. С. 686; Павлинов А. В. Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): сборник научных трудов / науч. ред. С. В. Максимов. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 214–215.

² Части 3 и 4 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ). Последние уголовно наказуемые деяния следует рассматривать в качестве умышленно создаваемых условий для последующего совершения преступлений экстремистской направленности. По нашему мнению, данные статьи УК РФ выступают в качестве общих уголовно-правовых норм по отношению к отмеченным ранее статьям этого УК, предусматривающим ответственность за отдельные (специальные) виды преступлений экстремистской направленности.

Помимо указанных посягательств, к деяниям, создающим условия для совершения преступлений экстремистской направленности, следует относить и вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ч. 4 ст. 150 УК РФ). Данное деяние приобретает экстремистскую направленность, если действиям виновного по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления присущи указанные мотивы ненависти либо вражды.

Мотивы ненависти либо вражды, хотя и не выступают в качестве обязательного признака субъективной стороны преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 150 УК РФ, а также ст.ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³ этого УК, однако, с учетом особенностей объективной стороны и (или) цели деяния, могут присутствовать в психике виновных, то есть являются факультативными признаками отмеченного элемента состава каждого из данных преступлений. Последнее утверждение не противоречит и нашим доводам относительно перечня рассматриваемых уголовно наказуемых деяний, так как уголовный закон непосредственно предусматривает (подразумевает) возможность совершения таких преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Как видим, понятие преступлений экстремистской направленности по своему объему отличается широким кругом входящих в него уголовно наказуемых деяний, нормы об ответственности за которые расположены в различных разделах и главах, например, статьи об ответ-

ственности за хулиганство (ст. 213 главы 24 раздела IX УК РФ) и организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ главы 29 раздела X УК РФ). При этом в теории уголовного права понятие и система преступлений экстремистской направленности изучены несколько поверхностно, в основном они подвергаются лишь резкой критике ученых¹ без взвешенных аргументов и конкретных предложений по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной деятельности в этой области.

Преступления экстремистской направленности представляют собой определенную совокупность (систему) уголовно наказуемых деяний, совершаемых по мотивам ненависти либо вражды к каким-либо социальным группам не только в связи с расовой принадлежностью представителей последних, но и их национальностью, идеологией, отношением к религии и т. д.

Понятие преступлений экстремистской направленности является, во-первых, относительно новым; во-вторых, содержащимся непосредственно в уголовном законе; в-третьих, основанным, прежде всего, на специфических побуждениях (мотивах) соответствующих преступлений; в-четвертых, собирательным и, наконец, в-пятых, недостаточно исследованным и, как следствие, еще однозначно не определенным в науке российского уголовного права и нуждающимся в совершенствовании на законодательном уровне.

Несмотря на то, что рассматриваемые преступления, как правило, непосредственно затрагивают интересы личности (жизнь, здоровье, достоинство и т. д.), считаем, что характер их общественной опасности предопределяет, в первую очередь, нарушение социальных отношений «надличностного» уровня, обеспечивающих межгрупповые терпимость и взаимодействие в социуме.

Нельзя не сказать о том, что понятия «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» в российской правовой системе появились относительно недавно, а точнее в 2002 году.

В настоящее время в п. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 27 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская деятельность (экстремизм) включает:

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

¹ Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 67.

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы,

телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг...¹.

Сопоставление действующего понятия экстремистской деятельности приводит к выводу, что законодательный перечень деяний, относящихся к экстремизму, является достаточно широким, а это не может не сказываться на эффективности правоприменительной деятельности.

В качестве недостатка законодательного определения объема понятия «экстремистская деятельность (экстремизм)» можно указать и уравнивание в характере и степени общественной опасности, во-первых, преступлений, относящихся к различным категориям, и, во-вторых, уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений. Так, к проявлениям экстремизма *de jure* относятся и такие административные деликты, как пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (ст. 20.3 КоАП РФ) либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения (ст. 20.29 КоАП РФ). Полагаем, что законодателю следовало бы более тщательно подойти к нормативному понятию экстремизма и, в первую очередь, разделить между собой преступления экстремистской направленности и указанные административные правонарушения, отнеся последние к созданию условий для осуществления экстремистской деятельности.

Нетрудно заметить, что словосочетание «преступления экстремистской направленности» в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» отсутствует, однако в ней содержится указание на такое проявление экстремизма как «совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». В п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ приводится одно из обстоятельств, отягчающих наказание, а именно «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», то есть мотивы, присущие преступлениям экстремистской направленности, совпадают с побуждениями,

¹ Пункт 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

содержащимися в законодательном определении таких уголовно наказуемых деяний.

Если бы в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ была воспроизведена указанная формулировка ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», то сомнения относительно объема понятия «преступления экстремистской направленности» рассеялись и к последним можно было бы относить те посягательства, которые фактически были совершены по мотивам ненависти либо вражды в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Но, как уже отмечалось нами ранее, при разработке уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности была допущена неточность, существенно затрудняющая толкование последнего и, по нашему мнению, значительно сужающая объем рассматриваемого понятия.

Большинство из приведенных видов экстремистской деятельности (экстремизма) корреспондирует с соответствующими уголовно наказуемыми деяниями. Полагаем, что самостоятельное значение понятия экстремистской деятельности (экстремизма), подтверждаемое указанным Федеральным законом, должно распространяться и на присущие ей преступные проявления, которые, кроме того, также обозначены в этом нормативном правовом акте.

В связи с выделенными обстоятельствами считаем важным и необходимым частичное дополнение теоретической классификации уголовно наказуемых деяний такими их видами, как преступления террористического и экстремистского характера. Преступления же экстремистской направленности составляют часть всех уголовно наказуемых проявлений экстремизма – преступлений экстремистского характера.

Необходимо отметить, что в российском законодательстве, как, впрочем, и в науке, до настоящего времени не сформулировано понятие экстремизма (экстремистской деятельности), отражающее его существенные отличительные признаки. Приведенный ранее перечень деяний, относящихся к экстремистской деятельности, не отвечает на вопрос о содержании последнего, о том, что же такое экстремизм, так как не содержит ни одного признака, позволяющего отличить данное понятие от всех прочих, например, от терроризма. Отмеченное обстоятельство дает повод для критики введения терминов «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в отечественное законода-

тельство, особенно в УК РФ¹. Так, В. Третьяков отмечает, что «как только экстремизм начинают детально квалифицировать, он сразу же исчезает, превращаясь то в brutальное инакомыслие, то в собственно уголовное преступление – чаще всего либо в терроризм, либо в обычное насилие над личностью, или в такое неопределенное (хоть и содержащееся в Уголовном кодексе) деяние, как «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»².

Анализ уголовно-правовой и криминологической литературы приводит к выводу, что в качестве общего понятия экстремистской деятельности (экстремизма) обычно используется следующая дефиниция: «экстремизм – это противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений»³.

На основе приведенного понятия А. Г. Хлебушкин формулирует понятие преступного экстремизма как вида экстремизма, представляющего собой комплекс деяний, из числа альтернативно указанных в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», за осуществление которых установлена уголовная ответственность⁴. Данный автор подчеркивает, что преступный экстремизм представляет собой собирательное понятие, признак противоправности которого носит двойственный характер – содержание преступной экстремистской деятельности предусмотрено нормами УК РФ и указанного Федерального закона⁵.

Чрезмерно широкое толкование термина «экстремизм» в научных и учебных работах добавляет ему неопределенности и «универсальности». Такая тенденция находит свое продолжение в средствах массовой информации⁶ и общественном мнении. Чем чаще люди слышат

¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М. : ИД «Городец», 2007. С. 315–330; Выжурович В. Понятие растяжимое // Российская газета. – 2006. – 24 ноября; Дульман П. Толкование экстремизма // Российская газета. – 2006. – 7 июля.

² Третьяков В. Загадка экстремизма // Российская газета. – 2002. – 15 июня.

³ Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 27.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же.

⁶ Грицюк М. Профсоюзный «экстремизм» // Российская газета. – 2008. – 30 апр.

слова «экстремизм», «экстремист», «экстремистский» и чем более широкий контекст последних при этом употребляется, тем более привычными и даже обыденными, а потому и не такими уж опасными кажутся обозначаемые ими явления. Так, по данным фонда «Общественное мнение», только 60 % респондентов, знающих, кто такие скинхеды, считают, что данное движение необходимо запретить. Остальные либо затрудняются ответить однозначно, либо полагают, что это молодежное движение имеет право на существование¹.

Отметим, что другие крайности при определении экстремизма – это неоправданное сужение последнего и (либо) привнесение в него инородных, не присущих экстремистской деятельности, признаков. Проявлением сказанного является определение экстремизма, сформулированное В. А. Пономаренковым и М. А. Яворским, которые понимают под ним «насильственные и (или) противоправные деяния, совершаемые по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, а также призывы к таковым деяниям»².

В приведенном определении между словами «насильственные» и «противоправные» безосновательно употребляются союзы «и» и «или», тогда как экстремистские проявления обязательно противоправны, но не всегда связаны с насилием. Кроме того, нами не поддерживается используемое В. А. Пономаренковым и М. А. Яворским указание на половую неприязнь как на возможный мотив экстремистского правонарушения. Тем самым данные авторы выделяют две, пожалуй, самые большие социальные группы – мужчин и женщин, неприязнь между которыми, по нашему мнению, не может образовывать мотив рассматриваемых преступлений.

К проявлениям излишнего сужения понятия экстремизма относится и позиция Р. А. Амироковой, отмечающей, что экстремизм как социально-политическое явление может найти свое проявление в терроризме, являющемся методом достижения целей экстремистов и выступающем как совокупность специфических противоправных насильственных приемов и способов воздействия на охраняемые законом общественные отношения³. Еще раз подчеркнем, что экстремизм и терроризм, как одно из проявлений первого, нельзя сводить только к

¹ Федосенко В. Нашествие бритоголовых в суд // Российская газета. – 2008. – 22 июля.

² Пономаренков В. А., Яворский М. А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. – 2008. – № 2. – С. 42.

³ Амирокова Р. А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Черкесск, 2006. С. 18–19.

насильственным действиям. Кроме того, экстремизм не имеет каких-либо целей, которые бы были ему присущи и отмечены в законодательстве о противодействии данному явлению, тогда как террористический акт и терроризм такой целью обладают. Поэтому виновные в террористических преступлениях направляют свои усилия на достижение тех результатов, что присущи каждому из таких уголовно наказуемых деяний, но не экстремизму как более широкому явлению и понятию. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ № 64 от 27 декабря 2016 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами»¹ публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность являются видом экстремизма (статья 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности), хотя, на наш взгляд, логичным было бы восприятие терроризма и экстремизма не как части и целого, а как самостоятельных социально-правовых явлений. В действительности в рамках уголовного законодательства России террористическая и экстремистская деятельность фактически представлены в качестве двух отдельных блоков или групп преступлений, обладающих отличающимися специфическими объективными и субъективными признаками.

Итак, понятие экстремизма (экстремистской деятельности), по нашему мнению, призвано обозначать совокупность противоправных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие государственность, безопасность, а также толерантность между различными группами в социуме. В структуру экстремизма включены уголовно и административно наказуемые деяния. Полагаем, что первые из них целесообразно именовать преступлениями экстремистского характера, перечень которых устанавливается путем сравнительного анализа статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности и статей Особенной части УК РФ». По нашему мнению, именно преступления экстремистского характера должны составлять объем уголовно-правового понятия экстремистской деятельности. При этом понятия экстремистской деятельности (экстремизма), преступлений экстремистского характера и преступлений экстремистской направленности целесообразно рассматривать через призму соотношения общего, частного и единичного.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

Г л а в а II. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

§ 1. Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности с использованием информационных технологий

Использование информационных технологий стало трендом и долгосрочной тенденцией современной преступности. При этом наиболее активно используются широкие возможности информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего, сети «Интернет», что в полной мере относится и к преступлениям террористической и экстремистской направленности, основанным на опасной идеологии и способствующим ее дальнейшему распространению¹.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² одной из основных угроз для государства и общества признается использование информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе.

В Доктрине информационной безопасности³ отмечается, что информационные технологии с течением времени приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Наряду с позитивным значением, этот фактор обуславливает положительную динамику преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Неограниченный охват потенциальных пользователей, простота и относительная анонимность совершаемых противоправных действий привлекают внимание лиц, использующих сеть «Интернет» для осуществления преступной деятельности, в том числе относящейся к экстремиз-

¹ Суходолов А. П., Иванцов С. В., Борисов С. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 1. – С. 14–15.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1 (ч. II), ст. 212.

³ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 50, ст. 7074.

му, включая его наиболее опасную форму – терроризм и террористическую деятельность¹.

Обобщение судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности показало, что с использованием ресурсов сети «Интернет» совершается более 90 % преступлений в виде публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ), публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), в том числе к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ), а также возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Данные нормы содержат признак совершения соответствующих действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»². Безусловно, информационные технологии могут использоваться и используются и при совершении ряда других преступлений террористической и экстремистской направленности, в том числе в рамках содействия таковым, предварительной преступной деятельности и взаимодействия соучастников на всех стадиях реализации умысла, однако этот признак не является для них обязательным и не указывается в уголовном законе, поэтому мы ограничимся изучением практики применения указанных выше уголовно-правовых норм.

Среди выделенных преступлений наиболее распространенными являются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, запрещенные ст. 282 УК РФ, в связи с чем мы уделим основное внимание практике применения данной нормы. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по ст. 282 УК РФ в 2011 г. по основной и дополнительной квалификации было осуждено

¹ Борисов С. В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 13–14.

² В ч. 2 ст. 205² и ч. 2 ст. 280¹ УК РФ указаны не только информационно-телекоммуникационные, но еще и электронные сети, однако в судебной практике отсутствуют примеры использования таких сетей при совершении рассматриваемых преступлений.

149 лиц, в 2012 г. – 148, в 2013 г. – 218, в 2014 г. – 301, в 2015 г. – 444, в 2016 г. – 502 и в 2017 г. – 571 лицо¹.

Вопросы квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности многообразны и требуют обстоятельной проработки, в настоящем же параграфе, учитывая ограниченность объема пособия, мы остановимся на проблемных вопросах отграничения данных уголовно наказуемых деяний от сходных административных правонарушений и правомерного поведения.

Отметим, что 3 ноября 2016 г. Пленум Верховного Суда РФ внес существенные изменения в свои постановления, посвященные вопросам уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности². Новые разъяснения преимущественно были обусловлены изменениями уголовного законодательства в части усиления мер обеспечения общественной безопасности и повышения эффективности противодействия экстремизму³. Также были разъяснены отдельные особенности юридической оценки преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Вопросу отграничения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет» или иных информационно-телекоммуникационных сетей, от сходного административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (да-

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, раздел «Данные судебной статистики». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.05.2018).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 2016. – 16 нояб.

³ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 52 (ч. I), ст. 6998; Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 28, ст. 4559.

лее – КоАП РФ) «Производство и распространение экстремистских материалов», и правомерного поведения посвящен п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», где приведены следующие важные разъяснения:

1) преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе;

2) вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, или административным правонарушением (ст. 20.29 КоАП РФ), должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы: если лицо распространяет такие материалы с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, то его деяние образует состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ;

3) не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Как следует из содержания данных разъяснений, ключевым различием указанных уголовно и административно наказуемых деяний является содержание и направленность умысла, которые применительно к преступлению ориентированы на то, чтобы возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить человеческое достоинство по соответствующим социально значимым признакам. Однако при этом следует учитывать еще и то, что необходимость в сопоставлении и разграничении данных составов преступления и административного правонарушения возникает только тогда, когда деяние осуществляется посредством распространения тех материалов, которые уже признаны

судом экстремистскими и включены в федеральный список таких материалов. Если же виновное лицо распространяло текстуальную, аудиовизуальную или графическую информацию, которая на момент совершения деяния еще не признана в установленном порядке экстремистским материалом, то содеянное изначально не может быть квалифицировано по ст. 20.29 КоАП РФ, однако это не устраняет вопроса о проведении различий между уголовно наказуемым и правомерным деяниями.

Отметим, что на практике распространен именно первый вариант квалификации содеянного по ст. 282 УК РФ, когда лицо размещает в Интернете, как правило, на личной странице в социальной сети или (и) пересылает другому пользователю ту или иную информацию, уже признанную экстремистским материалом, что расценивается как действия, возбуждающие ненависть либо вражду, а равно унижающие человеческое достоинство по признакам расы, национальности, отношения к религии и т. д. При этом не всегда устанавливается и обосновывается, что это лицо знало о содержании размещенной или направленной им информации, в том числе об отнесении таковой к экстремистским материалам.

Подчеркнем, что осознание последнего юридического факта не является обязательным компонентом умысла в данном преступлении, однако на практике использование лицом именно экстремистского материала рассматривается, как минимум, в качестве косвенного подтверждения того, что его действия были направлены на возбуждение ненависти или вражды либо на унижение человеческого достоинства.

Между тем, федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 21 июня 2018 г. содержит 4418 позиций¹, причем в отдельных из них указано на исключение материала из этого списка. Поэтому представить себе, что кто-либо постоянно отслеживает изменения этого списка и ориентируется на него при размещении в сети «Интернет» определенного материала, крайне сложно. Для виновного лица значение имеет не юридическая оценка, а фактическое содержание используемой информации, при этом важно установить, что оно осознавало таковое и стремилось распространить данные сведения для разжигания ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, использовать в ходе публичных призывов к экстремистской либо террористической деятельности, к нарушению территори-

¹ Федеральный список экстремистских материалов // Официальный сайт Минюста России. URL: http://minjust.ru/ru/nko/fedspisok?field_extremist_content_value=&page=21 (дата обращения: 21.06.2018).

альной целостности Российской Федерации, оправдания или пропаганды терроризма¹.

При подготовке проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ о внесении таких изменений была обобщена судебная практика, в том числе о применении ст. 282 УК РФ. В частности было принято во внимание предложение, поступившее от членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, относительно необходимости разъяснения вопроса юридической оценки осуществления так называемых репостов информации, содержащей сведения экстремистского толка, в сети «Интернет».

В новом абз. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. постановления Пленума от 3 ноября 2016 г. № 41) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» было разъяснено, что при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней.

Это дополнение постановления Пленума вызвано тем, что на практике имеют место случаи привлечения к уголовной ответственности за репосты, когда лицо размещает на своей странице в социальной сети или пересылает другому лицу информацию, взятую с того или иного Интернет-ресурса, пусть и содержащую элементы экстремистской или террористической идеологии, но без желания разжечь в других людях ненависть либо вражду, а равно унижить чье-либо достоинство. Поэтому Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание на то, что такая практика не учитывает содержание соответствующего состава преступления, прежде всего, его субъективные признаки в виде умысла, мотивов и целей. Данное разъяснение ориентирует органы предварительного расследования и суды на то, что размещение той или иной информации экстремистского толка в сети «Интернет» само по себе еще не означает наличие всех признаков состава преступления и не подтверждает, что лицо осознавало сущность размещаемых сведений

¹ Уголовное право России : учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2018. С. 366, 620, 622.

и стремилось возбудить ненависть или вражду, унижить человеческое достоинство, призвать к тем или иным действиям экстремистского (террористического) характера. Поэтому для правильной квалификации необходимо исследовать весь комплекс объективных и субъективных обстоятельств содеянного, чтобы избежать проявлений объективного вменения. Именно это и подчеркивается в приведенном разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, которое в полной мере следует относить и к применению ч. 2 ст. 205², ч. 2 ст. 280 и ч. 2 ст. 280¹ УК РФ, что, на наш взгляд, целесообразно непосредственно указать в его постановлениях, а не выводить такую рекомендацию по квалификации логическим путем.

Обобщение практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, совершенных с использованием сети «Интернет», показало, что в обоснование своих выводов о наличии признаков таких уголовно наказуемых деяний, в том числе умысла на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства по признакам национальности, расы, отношения к религии и т. д., суды преимущественно обращают внимание не только на фактическое содержание текстуальных, аудиовизуальных или графических материалов, размещаемых или пересылаемых в сети, а также их оценку в заключениях различных экспертов, но и на субъективное отношение виновного к осуществляемым им действиям, в том числе на осознание им характера и направленности таких материалов в силу его возраста, жизненного опыта, рода деятельности, разъяснения мотивов и целей своего поведения и других обстоятельств.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменения приговор Калужского областного суда от 16 ноября 2017 г., по которому Л., 1982 года рождения, был осужден по ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 354¹ УК РФ.

Действия Л. выразились в размещении в мае и июне 2016 г. в своем аккаунте в социальной сети «ВКонтакте» видеофайла и изображения, в которых содержались негативные оценки русских и высказывания об их неполноценности, доступных для ознакомления с ними неограниченного круга пользователей сети «Интернет» вплоть до 24 января 2017 г.

Кроме того, Л. в период с 24 августа 2014 г. по 9 июня 2016 г. умышленно разместил в своем аккаунте в той же социальной сети изображения с сетевыми интернет-адресами, содержание которых отрицало установленную приговором трибунала преступность действий отдельных структур третьего рейха, в том числе подразделений СС, и

одобряло эти действия. С момента размещения указанных файлов до 13 ноября 2016 г. Л. предоставил доступ к ним неограниченному кругу пользователей социальной сети «ВКонтакте».

В апелляционной жалобе Л., в частности, сослался на то, что он не делал каких-либо комментариев к размещенным материалам, которые бы свидетельствовали о его неприязни к русским как к нации и желании унижить их достоинство, а изображения, касающиеся обвинения в реабилитации нацизма, являлись в основном плакатами и пропагандистскими листовками Второй мировой войны, которые он также никак не комментировал.

Судебная коллегия не нашла оснований для удовлетворения апелляционной жалобы и указала, что виновность Л. в совершении преступлений, за которые он осужден, установлена совокупностью доказательств, получивших развернутое отражение в приговоре. То обстоятельство, что сам Л. по национальности является русским, не меняет существа дела и не исключает наличия в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Также не имеет юридического значения и утверждение Л. о том, что, в общем и целом, он негативно относится к действиям нацистов в годы Второй мировой войны. Фактические обстоятельства дела с очевидностью указывают на то, что опубликование информации, унижающей достоинство группы лиц по ее национальному признаку, а также информации, реабилитирующей нацизм, в силу его возраста, образования и жизненного опыта охватывалось умыслом Л. и носило целенаправленный характер. Мотивы, которыми он руководствовался, совершая противоправные действия, предусмотренные ст. 282 и ст. 354¹ УК РФ, какого-либо правового значения не имеют¹.

Вместе с тем в практике судов имеются примеры принятия необоснованных решений вследствие того, что ими недостаточно полно исследовались обстоятельства, подтверждающие умысел подсудимого на возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства личности по национальным, религиозным или иным признакам, а равно не выяснялся вопрос о возможном наличии в его действиях состава административного правонарушения, а не преступления экстремистской направленности.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2018 г., дело № 85-АПУ17-5 (извлечение) // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2018 год.

Так, Президиум Верховного Суда Республики Татарстан отменил приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 2 декабря 2014 г. и апелляционное постановление Верховного Суда Республики Татарстан от 30 января 2015 г. в отношении Б. и прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления.

Ранее Б. был признан виновным в том, что 31 мая 2011 г. умышленно, с целью возбуждения ненависти и вражды, а также унижения достоинства группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, принадлежности к социальной группе, распространил на своей странице «ВКонтакте» сети «Интернет», доступной для других пользователей сети, фотоальбом из 35 изображений под названием «Белый Букварь», который по состоянию на 19 сентября 2014 г. находился на этой странице.

В кассационной жалобе адвокат просил судебные решения отменить и производство по делу прекратить за отсутствием в действиях осужденного состава преступления, поскольку никакого умысла на возбуждение ненависти и вражды он не имел, такую цель не преследовал.

Президиум нашел жалобу адвоката подлежащей удовлетворению вследствие существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, допущенных по делу. При этом в обоснование своего решения он, в частности, сослался на приведенные выше разъяснения Пленума Верховного Суда РФ об обязательном установлении соответствующего умысла.

Осужденный пояснил, что увидел в открытом доступе в сети «Интернет» «смешные картинки со стихами», сохранил их на своей странице для себя, чтобы прочитать, не знал, что это запрещенный материал, а когда узнал, удалил, не прочитав до конца. Ссылки на этот альбом для того, чтобы ознакомились другие, не делал.

Суд в приговоре установил, что фактически Б. поместил на своей странице экстремистский материал, осознавая, что его страницу могут посетить другие лица. Это деяние при доказанности умысла на распространение экстремистских материалов могло бы квалифицироваться как административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.29 КоАП РФ. Вопрос об умысле осужденного на возбуждение ненависти и вражды судом не исследовался, доказательства такого умысла в приговоре не приведены, отсутствуют они и в материалах дела.

Вернувшись со службы в армии, Б. устроился на работу, поступил в институт и, как он пояснил суду, никакие экстремистские течения не поддерживает, в подобных организациях не состоит, что подтверждено показаниями оперуполномоченного ФСБ. Следовательно, наличие

умысла на возбуждение ненависти и вражды – необходимого элемента состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, явилось лишь предположением, что повлекло необоснованное применение судом уголовного закона¹.

Приведенные примеры указывают на то, что правильность юридической оценки рассматриваемых деяний во многом зависит от тщательности исследования вопросов о наличии, содержании и направленности умысла лиц, размещающих или пересылающих определенную информацию, которая может относиться либо не относиться к экстремистским материалам, однако включать в себя сведения, ориентированные на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, призывающие к осуществлению экстремистской или (и) террористической деятельности, к нарушению территориальной целостности России, а равно оправдывающие или пропагандирующие терроризм.

Конституционный Суд в своих определениях также неоднократно указывал, что ст. 282 УК РФ устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с прямым умыслом, направленным на возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы лиц (определения от 19 февраля 2009 г. № 134-О-О, от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О)².

В определениях от 8 июля 2017 г. № 1502-О и № 1503-О, 26 октября 2017 г. № 2315-О и других Конституционный Суд, в частности, указал, что ст. 282 УК РФ не противоречит нормам и принципам международного права, а равно Конституции, и не содержит неопределенности в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своих поступков и предвидеть наступление ответственности за их совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению данной нормы правоприменительными органами. Аналогичная позиция Конституционного Суда Российской Федерации сформулирована и в его определениях от 25 сентября 2014 г. № 2055-О и от 21 сентября 2017 г. № 1797-О относительно ст. 205² УК РФ, а также в определении от 28 марта 2017 г. № 665-О, касающемся ст. 280¹ УК РФ.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Татарстан от 22 апреля 2015 г. по делу № 44-У-96 (извлечение) // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2015 год.

² Официальный сайт Конституционного Суда РФ, раздел «Решения КС РФ». URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.05.2018).

Вместе с тем, учитывая наличие вопросов у судов, органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатского сообщества и представителей общественности относительно применения уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет», в том числе относительно их отграничения от административных правонарушений и правомерного поведения, считаем целесообразным разработать и внести в указанные выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации дополнительные разъяснения, расширяющие критерии для разрешения соответствующих проблем квалификации. Представляется, что ключевым разграничительным признаком данных преступлений и сходных административных правонарушений, а равно правомерного поведения, должна быть признана общественная опасность, присущая только уголовно наказуемым деяниям, которая складывается из совокупности объективных и субъективных обстоятельств содеянного, а не только из содержания и направленности умысла. Выделенные преступления террористической и экстремистской направленности существенно нарушают общественные отношения, выступающие их объектами (общественная безопасность, основы конституционного строя и безопасность государства), выражаются в публичных действиях, которые не в полной мере совпадают по своему характеру с массовым распространением экстремистских материалов, причем последние не являются их обязательным признаком. Кроме того, содержание и направленность умысла в таких уголовно наказуемых деяниях включают в себя осознание общественной опасности осуществляемых действий и желание их совершения с учетом указанных объективных обстоятельств, в том числе направление своих усилий на побуждение других людей к осуществлению экстремистской или террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма (ст.ст. 205², 280 и 280¹ УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы людей по национальному, расовому и другим признакам (ст. 282 УК РФ). Отсутствие или недоказанность хотя бы одного из указанных объективных и субъективных признаков исключает общественную опасность содеянного и одновременно его преступность и наказуемость.

§ 2. Соотношение преступлений экстремистской направленности с иными уголовно наказуемыми деяниями

К числу преступлений экстремистского характера можно отнести такие деяния как: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ). Данные деяния содержатся в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти», что характеризует в первую очередь объект преступлений данного вида.

К числу посягательств, связанных с осуществлением террористической деятельности, исходя из буквального толкования норм об ответственности за преступления против общественной безопасности (гл. 24 УК РФ) раздела IX (Преступления против общественной безопасности и общественного порядка), следует, несомненно, отнести: террористический акт (ст. 205 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ); прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ); организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205⁴ УК РФ); организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205⁵ УК РФ); несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ).

В обыденном толковании экстремизм и терроризм представляют собой близкие понятия и явления. По своему разлагающему эффекту и деструктивной сущности между ними можно провести определенную параллель. В п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в числе других проявлений экстремизма называется публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. То есть в соответствии с ФЗ «О противодействии терроризму» и ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» терроризм и экстремизм соотносятся как часть и целое. На уровне же уголовного законодательства России эти явления рассредоточены в разных разделах и главах УК РФ. Налицо явные законодательные противоречия.

Решить данную проблему, на наш взгляд, можно путем устранения коллизий в Федеральных законах «О противодействии экстремистской

деятельности» и «О противодействии терроризму», а также приведения их положений в соответствие с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации.

Существующие же в рамках российского уголовного законодательства термины «террористическая деятельность», «преступления экстремистской направленности», по нашему мнению, на современном этапе развития юридической мысли следует признать аксиоматичными, поскольку в целом понятен круг соответствующих преступных деяний при некоторой, тем не менее, неопределенности ряда составообразующих признаков. Кроме того, данные уголовно-правовые понятия приняты в настоящее время как учеными-криминалистами, так и правоприменителем, о чем свидетельствуют многочисленные научные исследования и обширная следственно-судебная практика в данной области.

Также, учитывая в некотором смысле ментальное и междисциплинарное происхождение экстремизма и терроризма, необходимо отметить необходимость единого внутригосударственного подхода к их определению и законодательному закреплению в целях формирования системности в борьбе с этими разрушительными явлениями.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) следует отличать от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ): если в ст. 205² УК РФ речь идет только о террористической деятельности, то в ст. 280 этого УК – о более широком понятии экстремистской деятельности.

Подчеркнем, что террористическая деятельность, равно как и терроризм, составляют часть экстремистской деятельности¹, что порождает вопрос о соотношении ст. 205² и ст. 280 УК РФ. Считаем, что данные уголовно-правовые нормы соотносятся как специальная и общая. При этом конкуренция должна разрешаться в пользу ст. 205² УК РФ, так как предусмотренные в ней действия являются одной из разновидностей экстремистской деятельности, ее санкции являются не менее строгими по сравнению с санкциями ст. 280 УК РФ (в ч. 1 ст. 205² УК РФ санкция даже более строгая, чем в ч. 1 ст. 280 этого УК), при этом не упрощается порядок расследования и рассмотрения уголовного дела. Следовательно, по ст. 280 УК РФ могут быть квалифицированы только призывы к тем проявлениям экстремистской деятельности, которые одновременно не относятся к террористической деятельности в ее уголовно-правовом понимании.

¹ Комментарий к Федеральному закону «О противодействии терроризму» (постатейный). М., 2007. С. 11.

Организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) необходимо отграничивать от организации преступного сообщества (преступной организации) – ст. 210 УК РФ, а также от бандитизма (ст. 209 УК РФ).

Как нами уже отмечалось ранее, экстремистское сообщество представляет собой разновидность организованной группы¹ и это его главное отличие от преступного сообщества (преступной организации). Из этого отличия можно вывести следующие разграничительные признаки данных преступлений: 1) экстремистское сообщество должно обладать устойчивостью, но не структурированностью, что присуще только преступному сообществу (преступной организации); 2) экстремистское сообщество создается и функционирует для совершения преступлений различной тяжести, тогда как преступное сообщество (преступная организация) – только для совершения тяжких и особо тяжких преступлений²; 3) мотив преступлений, подготавливаемых и совершаемых экстремистским сообществом, имеет для последнего определяющее значение и должен свидетельствовать об экстремистской направленности соответствующих уголовно наказуемых деяний, а для преступного сообщества (преступной организации) данный признак (мотив) имеет лишь факультативное значение, тогда как целью последнего преступного объединения выступает получение финансовой либо иной материальной выгоды.

Экстремистское сообщество отличается от банды тем, что не обязательно обладает признаком вооруженности и не преследует в качестве неотъемлемой цель нападения на граждан или организации. Учитывая более высокую степень общественной опасности бандитизма, что отражается в санкциях ст. 209 УК РФ, конкуренция уголовно-правовых норм о рассматриваемых преступлениях должна разрешаться в пользу нормы об ответственности за бандитизм. То есть, если банда будет подготавливать или совершит нападение, одновременно являющееся преступлением экстремистской направленности, квалификацию следует осуществлять по ст. 209 УК РФ и статье этого УК о таком подготавливаемом или совершенном деянии.

¹ Тюнин В. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 52–54; Агапов П. В. Нужна ли в Уголовном кодексе РФ ответственность за создание организованной преступной группы? // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 14–15.

² Кашепов В. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 32.

Организацию деятельности экстремистской организации также следует отличать от организации объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ). Последнее из указанных преступлений в первую очередь посягает на общественную нравственность, а дополнительно – на здоровье граждан и (или) порядок управления. Кроме того, уголовная ответственность за организацию религиозного или общественного объединения, предусмотренного ст. 239 УК РФ, в отличие от экстремистской организации, не обязательно связана с предварительным судебным решением о ликвидации такого объединения либо запрете его деятельности, причем последняя не должна относиться к экстремизму. Также следует учитывать, что в число объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 282² УК РФ, не входит пропаганда деяний, относящихся к преступной деятельности религиозного либо общественного объединения (ч. 2 ст. 239 УК РФ).

Убийство, предусмотренное п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует отличать от геноцида (ст. 357 УК РФ), предполагающего совершение деяний, направленных «на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передаче детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы». Сопоставление данных преступлений приводит к выводу, что геноцид не характеризуется каким-либо специальным мотивом, обладая лишь избирательностью в отношении потенциальных потерпевших, тогда как рассматриваемый вид убийства совершается из ненависти либо вражды и не направлен на полное уничтожение какой-либо социальной группы. При этом для убийства обязательным (основным) непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека, а для геноцида – мир и безопасность человечества.

Ранее отмечалось, что нами не поддерживается позиция некоторых ученых, чрезмерно широко трактующих содержание и объем понятия экстремизма, особенно, если к последнему начинают относить еще и геноцид, не прибегая к какому-либо обоснованию такого понимания структуры экстремистской деятельности¹. Как уже обосновывалось в

¹ Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : методическое пособие / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 34.

предыдущем изложении, перечень преступлений экстремистского характера (преступлений, относящихся к экстремизму) следует определять путем сопоставления ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статей Особенной части УК РФ, что не приводит к включению в данный перечень ни одного из уголовно наказуемых деяний против мира и безопасности человечества, за исключением нападения на лиц либо учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360 УК РФ).

Возможность отнесения геноцида к уголовно наказуемым проявлениям экстремизма может вытекать из указания в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» на то, что такая деятельность включает в себя и преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы. То есть, если деяния, направленные на уничтожение какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы, будут совершены по указанным мотивам ненависти либо вражды, то геноцид можно будет признать одним из преступлений экстремистского характера. Однако такое допущение касается многих уголовно наказуемых деяний, что ставит под сомнение включение именно геноцида в указанный перечень при одновременном игнорировании других преступлений, которым могут быть присущи ненависть либо вражда в отношении каких-либо социальных групп и (или) их представителей.

Надругательство над телами умерших (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) следует отличать от убийства, совершенного по «экстремистским» мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) либо (и) с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Ключевым отличием является то, что такое надругательство совершается в отношении тела уже умершего человека, то есть после лишения его жизни, что осознается виновными. Какие бы посмертные повреждения ни наносились телу умершего (расчленение, сожжение и т. д.), они не включаются в содержание объективной стороны убийства, так как совершены за рамками окончательного умышленного причинения смерти человеку.

Как отмечается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, «глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства,

следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может быть основанием для квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью»¹.

Уничтожение, повреждение и осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, скульптурного или архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом либо жертвам фашизма (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ), следует отличать от умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ). Основным отграничительным признаком в данном случае является предмет преступления. Кроме того, для уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) основным непосредственным объектом выступают отношения собственности, тогда как для преступлений, предусмотренных ст. 243 и ст. 244 УК РФ, таким объектом является общественная нравственность.

Вместе с тем, если деяние, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, связано с нарушением отношений собственности за счет уничтожения либо повреждения указанных в данной уголовно-правовой норме предметов и при этом совершено лицом в возрасте от 14 до 16 лет (не включительно), то рассматриваемый состав преступления в его действиях отсутствует. Представляется, что при наличии к тому оснований содеянное может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 167 либо ч. 2 ст. 214 УК РФ, предусматривающим четырнадцатилетний возраст уголовной ответственности за соответствующие преступления.

Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства имеет некоторые сходные черты с нарушением равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ).

В отличие от возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, преступление, предусмотренное ст. 136 УК РФ, главным образом посягает на интересы личности, а не на основы конституционного строя и безопасность России. Дискриминация, выступая содержанием объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ, не направлена на возбуждение ненависти либо вражды, как и на унижение достоинства человека или

¹ Абзацы 3 и 4 пункта 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. – 1999. – 9 фев.

группы лиц, а связана с нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы и других отличительных признаков.

Полагаем, что дискриминация может быть способом совершения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, полностью охватываясь данной нормой, но не наоборот. Этот вывод основан на сопоставлении объективных и субъективных признаков, а также характера и степени общественной опасности рассматриваемых преступлений. Исходя из такого сопоставления, можно утверждать, что норма, предусмотренная ст. 282 УК РФ, является более полной, а по строгости санкций не уступает ст. 136 УК РФ.

Итак, юридическая оценка преступлений экстремистской направленности предполагает не только их разграничение между собой, но и проведение отграничения от иных, смежных с ними составов преступлений. При этом необходимо сопоставлять объективные признаки сравниваемых составов преступлений, а затем уже искать отличительные черты в признаках их субъективной стороны и субъектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение вопросов квалификации преступлений экстремистской направленности, следует привести наиболее важные выводы и другие положения настоящей работы.

Буквальное и систематическое толкование примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ позволило нам прийти к выводу, что перечень преступлений экстремистской направленности очерчен лишь теми статьями Особенной части УК РФ, которые непосредственно содержат указание на соответствующие побуждения деяния, так как в п. «е» ч. 1 ст. 63 данного нормативного правового акта не предусмотрено ни одного преступления, а лишь содержится указание на мотивы деяния, выступающие в роли обстоятельства, отягчающего наказание. Полагаем, что об экстремистской направленности преступления можно говорить как при прямом, так и при опосредованном указании на соответствующие мотивы в статье Особенной части УК РФ об ответственности за то или иное общественно опасное деяние.

Понятие экстремизма (экстремистской деятельности), по нашему мнению, призвано обозначать совокупность противоправных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие государственность, безопасность, а также толерантность между различными элементами социума. В структуру экстремизма включены уголовно и административно наказуемые деяния. Полагаем, что первые из них целесообразно именовать преступлениями экстремистского характера, перечень которых устанавливается путем сравнительного анализа статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статей Особенной части УК РФ. Считаем, что именно преступления экстремистского характера должны составлять объем уголовно-правового понятия экстремистской деятельности. При этом понятия экстремистской деятельности (экстремизма), преступлений экстремистского характера и преступлений экстремистской направленности целесообразно рассматривать через призму соотношения общего, частного и единичного.

Неуклонный рост числа межнациональных и межрасовых конфликтов, подпитываемых проявлениями ненависти и вражды между различными социальными группами, общественная опасность таких проявлений, состоящая в существенном нарушении основ толерантности в обществе, необходимой для безопасности, стабильности и развития последнего – основные обстоятельства, свидетельствующие

о социальной обусловленности установления уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Несмотря на то, что преступления экстремистской направленности, как правило, непосредственно затрагивают интересы личности (жизнь, здоровье, достоинство и т. д.), считаем, что характер их общественной опасности предопределяется, в первую очередь, нарушением социальных отношений «надличностного» уровня, обеспечивающих межгрупповые терпимость и взаимодействие в социуме.

Неотъемлемым элементом непосредственного объекта каждого преступления экстремистской направленности выступают общественные отношения, обеспечивающие толерантность, терпимость между различными социальными группами и их представителями, независимо от социальной, расовой или национальной принадлежности, отношения к религии, приверженности определенной идеологии либо направлению в политике, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

При направленности таких преступлений на возбуждение указанных ненависти либо вражды нарушаются общественные отношения, обеспечивающие одну из основ конституционного строя государства в виде запрета на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни как крайней формы интолерантности по отношению к тем или иным социальным группам и (или) их представителям.

Объективная сторона преступлений экстремистской направленности обычно выражается в форме действий, в которых находят свое проявление имеющиеся в психике виновного ненависть либо вражда в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Это проявляется в выборе способов, места и обстановки совершения деяния, нередко ориентированных на публичное проявление и (или) разжигание ненависти либо вражды.

Субъект преступлений экстремистской направленности, как правило, общий, за исключением уголовно наказуемых деяний, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282¹ УК РФ, совершаемых лицом с использованием своего служебного положения. Кроме того, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности (ч. 4 ст. 150 УК РФ) предполагает повышенный возраст виновного лица – 18 лет и старше.

С субъективной стороны преступления экстремистской направленности характеризуются умышленной формой вины с обязательным мотивом, имеющим альтернативный характер – политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть либо

вражда, а равно ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

Квалификация преступлений экстремистской направленности предполагает не только их разграничение между собой, но и проведение отграничения от иных, смежных с ними составов преступлений. При этом необходимо сопоставлять объективные признаки сравниваемых составов преступлений, а затем искать отличительные черты в признаках их субъективной стороны и субъектов.

В учебном пособии сформулированы определенные предложения по совершенствованию законодательства, способные, по мнению авторов, повысить эффективность защиты личности, общества и государства от проявлений ненависти либо вражды между различными социальными группами, в том числе упорядочить правоприменительную практику и превентивную деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные акты и иные официальные документы

Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, вып. XXXII. – М., 1978.

Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 41, ст. 3947.

Конституция Российской Федерации. – М., 2009.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М. : ООО «Издательство Элит», 2018.

Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : ИНФРА-М, 2018.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М. : ТК Велби, 2018.

Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1 (ч. I), ст. 14.

Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – 8 фев.

Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2, ст. 62.

Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Российская газета. – 1993. – 17 фев.

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 21, ст. 1930.

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 3, ст. 145.

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // Российская газета. – 1996. – 20 янв.

Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Российская газета. – 1996. – 18 дек.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 39, ст. 4465.

Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 29, ст. 2950.

Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 33 (ч. I), ст. 3431.

Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 23, ст. 2102.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – 30 июля.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40, ст. 3822.

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 16 дек.

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 31, ст. 3215.

Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 50, ст. 5245.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I), ст. 3452.

Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. – 2007. – 1 авг.

Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 45, ст. 5263.

Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1997.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. – 2009. – 19 мая.

Постановление Правительства Российской Федерации от 16 октября 2000 г. № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Российская газета. – 2000. – 31 окт.

Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 36, ст. 3577.

Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 // Российская газета. – 2007. – 24 авг.

Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденные приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н // Российская газета. – 2008. – 5 сент.

Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» в редакции постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11; с изм. и доп., внесенными постановлением Пленума от 25 октября 1996 г. // Сбор. действующих постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. А. С. Михлин. – М. : Изд-во БЕК, 1999. – С. 388.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. – 1999. – 9 фев.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу) // Российская газета. – 2000. – 14 мар.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. – 2002. – 19 мар.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. – 2003. – 18 янв.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 7 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 5.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. – 2007. – 21 нояб.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» (утратило силу) // Российская газета. – 2008. – 18 июня.

Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О. О. Миронова в 2002 году // Российская газета. – 2003. – 15–18, 23–25, 30 июля, 5, 7 авг.

Итоговые документы Международной конференции «Уроки Второй мировой войны и Холокоста» (Берлин, 15–17 декабря 2009 г.) // Российская газета. – 2009. – 22 дек.

Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 9 июля 2007 г. // Российская газета. – 2007. – 14 июля.

Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 6 августа 2008 г. // Российская газета. – 2008. – 15 авг.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 1998 г. // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М. : Спарк, 2001. – С. 861.

Российский статистический ежегодник. 2006 : стат. сб. / Росстат. – М., 2006.

Состояние преступности за 2007–2009 годы. – М. : ГИАЦ МВД России, 2010.

Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 7. – С. 31.

2. Комментарии, монографии, пособия и учебники

Алексеев С. С. Теория права. – М., 1995.

Антонян Ю. М., Давитадзе М. Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. – М., 2004.

Большая медицинская энциклопедия. – М., 1958. Т. 4.

Большая медицинская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1976. Т. 3.

Бородин С. В. Преступления против жизни. – М. : Юрист, 2000.

Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. – М., 2005.

Векленко С. В. Уголовно-правовые меры борьбы с хулиганством : лекция. – М. : ЦИ и НМОКП МВД России, 1999.

Ветров Н. И. Уголовное право. – М., 2002.

Винников А. Я., Гиренко Н. М., Коршунова О. Н., Леухин А. В., Серова Е. Б. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / под общ. ред. О. Н. Коршуновой. – СПб., 2002.

Волженкин Б. В., Питерцев С. К. Расследование дел о хулиганстве: квалификация, процессуальные особенности и методика расследования : учебное пособие. – 2-е изд. перераб. и дополн. – Л., 1979.

Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления. – Казань, 1968.

Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. – М. : Юридическая литература, 1980.

Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969.

Гаухман Л. Д. Расследование по делам о телесных повреждениях и хулиганстве. – М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1975.

Гаухман Л. Д. Объект преступления : лекция. – М. : Академия МВД России, 1992.

Гаухман Л. Д. Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект) : лекция. – М. : Академия МВД России, 1992.

Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и дополн. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2005.

Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. – М. : Учебно-консультационный центр «Центр ЮрИнфоР», 1997.

Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) : комментарий. – М. : Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997.

Гледов Л. Д., Устинов В. С. Ответственность за хулиганство. – М. : Знание, 1973.

Дагель П. Субъективная сторона хулиганства // Советская юстиция. – 1968. – № 5. – С. 19.

Даньшин И. Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. – Харьков, 1971.

Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – Харьков : Изд-во Харьковского университета, 1971.

Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов. – М., 1993.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995.

Жогин В. Н. Борьба с хулиганством – дело всех и каждого. – М. : Юридическая литература, 1967.

Загородников Н. И. Преступления против здоровья. – М., 1969.

Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. – Ростов-н/Д, 1992.

Здравомыслов Б. В., Красиков Ю. А., Рарог А. И. Уголовное право. – М., 1992.

Иванов В. Д., Мазуков С. Х. Субъективная сторона преступления. – Ростов-н/Д : Булат, 1999.

Игнатов А. Н., Красилов Ю. А. Курс российского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – М., 2002.

Карпец И. И. Уголовное право и этика. – М., 1985.

Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001.

Кириченко В. Ф. Об усилении борьбы с хулиганством. – М. : Знание, 1967.

Ковалев М. И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1991.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. И. Никулина. – М., 2000.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М., 2004.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М., 2005.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова и Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2008.

Комментарий к Федеральному закону «О противодействии терроризму» (постатейный). – М., 2007.

Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М. : Академия МВД СССР, 1980.

Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. – Владивосток, 1987.

Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера. – СПб., 2006.

Кочои С. М. Расизм: уголовно-правовое противодействие : монография. – М. : ТК Велби, Проспект, 2007.

Кравченко А. И. Социология : словарь : учебное пособие для студентов вузов. – М. : Издательский центр «Академия», 1997.

Красиков Ю. А., Труфанов В. В. Борьба с хулиганством. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1966.

Краткий психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М., 1985.

Криминология. – М., 1995.

Криминология : учебник для студентов вузов / под ред. Г. А. Аванесова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

Кузнецов А. В. Хулиганство и борьба с ним. – М. : Госюриздат, 1962.

Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. – М. : ИД «Городец», 2007.

Курс советского уголовного права в шести томах. Часть особенная. Т. VI. – М. : Наука, 1971.

Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. – Л., 1978.

Курс советского уголовного права / под ред. Н. А. Беляева. – Л., 1981.

Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 2001.

Лазарев А. М. Субъект преступления : учебное пособие для студентов ВЮЗИ. – М. : ВЮЗИ, 1981.

Лозовицкая Г. П. Общий сравнительно-правовой комментарий и сравнительные таблицы уголовных кодексов государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) : В 2 ч. / под ред. П. Г. Пономарева. – Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2002. – Ч. 2.

Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учебное пособие. – М. : ВЮЗШ МВД СССР, 1989.

Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М. : Юридическая литература, 1964.

Международные акты о правах человека : сборник документов. – М., 1999.

Мирошникова В. А. Конституция Российской Федерации. Комментарий. – М., 1997.

Мыльников Б. А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты. – М., 2005.

Нетерпимость в России: старые и новые фобии / под ред. Г. Витковской, А. Малащенко. – М., 1999.

Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М. : Госюриздат, 1960.

Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополн. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008.

Основания уголовно-правового запрета. – М. : Наука, 1982.

Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть. – Красноярск, 1997.

Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практическое пособие. – М. : ТК Велби, Проспект, 2006.

Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве : учебное пособие. – М. : ВЮЗИ, 1980.

Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001.

Расторопов С. В. Преступления против здоровья человека по УК РФ 1996 г. – М. : Рязань: Русское слово, 2003.

Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. А. Р. Ратинова. – М. : Юрлитинформ, 2005.

Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М. : Юристъ, 1997.

Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток, 1999.

Рубан Л. С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность. – М. : Московское бюро по правам человека, ДА-ИАМП, МосУ МВД России, 2007.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер Ком, 1999.

Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф. Н. Петров. – 2-е изд. – М., 1942.

Советское уголовное право. Часть Общая : учебник / Б. В. Здравомыслов, М. А. Гельфер, П. И. Гришаев и др. – М. : Юридическая литература, 1982.

Социология / под ред. проф. В. Н. Лавриненко. – М., 1998.

Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. – М., 1986.

Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. – М. : Госюриздат, 1957.

Уголовный закон в практике мирового судьи : научно-практическое пособие / под ред. А. В. Галаховой. – М. : Норма, 2005.

Уголовный закон в практике районного суда : научно-практическое пособие / под ред. А. В. Галаховой. – М. : Норма, 2007.

Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И. Я. Козаченко; и др. – М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1997.

Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. – М. : Институт международного права и экономики: Изд-во «Триада Лтд», 1997.

Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная : учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина и С. В. Максимова. – М. : Юриспруденция, 1999.

Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. П. Ревина. – М. : Юридическая литература, 2000.

Уголовное право. Практический курс : учебное пособие / под общ. ред. А. Г. Сапрунова / под науч. ред. А. В. Наумова. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2003.

Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. Исследование / с предисл. С. В. Познышева. – М., 1914.

Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / отв. ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2007.

Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, совершаемых с применением физического насилия. – Тюмень, 2001.

Шаргородский М. Д. Ответственность за преступления против личности. – Л., 1953.

Шурухнов В. А. Расследование вандализма : учебное пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой. – М. : Юрлитинформ, 2005.

Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : методическое пособие / под ред. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2009.

Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М., 1995.

3. Статьи

Агапов П. В. Нужна ли в Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за создание организованной преступной группы? // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 14–15.

Бабицкий С. Люди, которые нас удивили // Комсомольская правда. – 2008. – 10–17 июля.

Богданов В. Убийственный призыв // Российская газета. – 2009. – 1 сент.

Бондаренко А. Смерть в пробке // Российская газета. – 2008. – 11 янв.

Борисов С. В. Хулиганство – одно из преступлений экстремистской направленности?.. // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России за 2005 год: Вып. 9. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2006. – С. 49–51.

Бородин С. В. Вопросы квалификации убийства из хулиганских побуждений // Советская юстиция. – 1971. – № 23. – С. 18–19.

Брайловская С. Экстремистов доведут до суда // Российская газета. – 2009. – 16 июня.

Бурковская В. Новая редакция ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»: старые проблемы // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 12.

Бурковская В. Законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом: проблемы становления и правоприменительной практики // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 104–106.

Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. – 2000. – № 11. – С. 23–25.

Ветошкин С. С бритой головы на здоровую // Российская газета. – 2008. – 6 мар.

Волков Н. В. Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена // История государства и права. – 2006. – № 9. – С. 5.

Выжutowич В. Понятие растяжимое // Российская газета. – 2006. – 24 нояб.

Выжutowич В. Слово и нож // Российская газета. – 2008. – 29 февр.

Гаврилов А. В., Москвитин О. А. Пути решения проблем реализации законодательства о противодействии экстремизму // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2005. – № 4. – С. 54.

Гаухман Л. Д. Бланкетные нормы УК РФ: проблемы правотворчества и правоприменения // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью : сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. – М. : Московский университет МВД России, 2007. – С. 10.

Графова Л. Не сотвори себе врага // Российская газета. – 2009. – 4 июня.

Грицюк М. Профсоюзный «экстремизм» // Российская газета. – 2008. – 30 апр.

Давыденко В. Провокатор на мобильнике // Российская газета. – 2008. – 25 июля.

Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 69.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142, 143.

Дульман П. Толкование экстремизма // Российская газета. – 2006. – 7 июля.

Дульман П. В Марганце случилась «Запорожская Сечь» // Российская газета. – 2009. – 3 июля.

Дурманов Н. Д. Понятие телесных повреждений по советскому уголовному праву // Советское государство и право. – 1956. – № 1. – С. 84.

Ершов Ю. Этнический бунт // Российская газета. – 2009. – 9 июля.

Залужный А. Г. Проблемы реализации законов, направленных на противодействие экстремистской деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – № 4. – С. 42.

Зарубин В. Спорные вопросы субъективной стороны хулиганства // Уголовное право. – 2001. – № 3. – С. 13.

Зотов В. Предыстория распада // Родина. Историко-публицистический журнал. – 1994. – С. 62.

Иванов Н. Хулиганство: проблемы квалификации // Российская юстиция. – 1996. – № 8. – С. 39.

Иванов Н. Г., Косырев И. И. Современный метаморфоз уголовно-наказуемого хулиганства // Российская юстиция. – 2008. – № 1. – С. 38.

Из выступления Генсека ООН Пан Ги Муна на конференции по проблемам расизма в Женеве // Российская газета. – 2009. – 3 июля.

Иногамова-Хегай Л. В. Современные проблемы уголовного законодательства // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. – М.: Проспект, 2008. – С. 234.

Кашепов В. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 32.

Константинов П. Уголовная ответственность за истязание // Законность. – 2000. – № 4. – С. 8–10.

Коробеев А. И. О понятии криминализации и декриминализации // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью / отв. ред. В. Д. Филимонов. – Томск, 1988. – С. 32–33.

Коряков А. Провинциальный экстремизм // Российская газета. – 2008. – 24 окт.

Кочетыгова Н. И. Многокультурность как характерная черта российской государственности // Государство и право. – 2006. – № 11. – С. 86–88.

Курченко В. Квалификация особо злостного хулиганства // Законность. – 1998. – № 7. – С. 11.

Мартыненко Б. К. Политический терроризм: понятие, признаки, классификация // Северокавказский юридический вестник. – 1999. – № 7. – С. 66–74.

Новикова Н., Радова А., Яковлева Е. Топорнография. Подробности // Российская газета. – 2007. – 14 июля.

«Орлы» целевого набора // Комсомольская правда. – 2009. – 30 июля – 6 авг.

Павлинов А. Экстремизм в России: проблемы противодействия // Законность. – 2003. – № 11. – С. 44.

Павлинов А. В. Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): сборник научных трудов / науч. ред. С. В. Максимов. – М.: Институт государства и права РАН, 2009. – С. 214–215.

Педан С. А., Пиджаков А. Ю. Политический экстремизм и терроризм в России (историографический обзор) // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвузовский сборник научных проблем. – СПб.: СПГУВК, 2005. Вып. 10. С. 208–211.

Позиция писателя // Российская газета. – 2008. – 11 янв.

Пономаренков В. А., Яворский М. А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. – 2008. – № 2. – С. 42.

Попов А. Причины возникновения и динамика развития межнациональных конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С. 287–288.

Рябова Е. Антифашисты выдвинулись фронтом // Российская газета. – 2009. – 21 дек.

Самолук И. Ответственность за истязание // Советская юстиция. – 1965. – № 12. – С. 21.

Сердюк Л. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 51–52.

Симонов В. И. К вопросу о понятии истязания // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. – Свердловск, 1983. – С. 61.

Соколов В. М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 61.

Тамаев Р. Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество // Законность. – 2006. – № 6. – С. 57.

Тартаковский А. Д. Некоторые вопросы характеристики истязаний по советскому уголовному праву // Теория и практика борьбы с правонарушениями. Вып. 1. – Душанбе, 1980. – С. 36.

Тасаков С. В. Нормы нравственности как социальный фундамент уголовного права // Российская юстиция. – 2005. – № 12. – С. 9.

Титов В. Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 42.

Третьяков В. Загадка экстремизма // Российская газета. – 2002. – 15 июня.

Тюнин В. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 52–54.

Тяжкова И. Какое хулиганство должно признаваться совершенным с применением оружия? // Советская юстиция. – 1967. – № 18. – С. 19.

Фалалеев М. Милицейский отчет // Российская газета. – 2009. – 18 дек.

Фалалеев М. Досье на гастарбайтера // Российская газета. – 2010. – 16 фев.

Федосенко В. Нашествие бритоголовых в суд // Российская газета. – 2008. – 22 июля.

Федосенко В. Смертельная ненависть // Российская газета. – 2008. – 4 дек.

Федосенко В. Кто ответит за «свиней» // Российская газета. – 2009. – 30 июня.

Феклюнин С. Нацистам указали на Тверь // Московский комсомолец. – 2008. – 29 апр.

Цымбал Е., Дьяченко А. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 43–50.

Чечель Г. И. Квалификация истязания по действующему законодательству. – Барнаул, 1989. – С. 51.

Шадже А. Ю. Кавказский фактор в современной России // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 78.

Шестаков Е. Цепная реакция // Российская газета. – 2009. – 7 июля.

Экстремистов посчитали // Российская газета. – 2008. – 26 авг.

4. Авторефераты и диссертации

Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 17.

Амирокова Р. А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Черкесск, 2006.

Борисов С. В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2012.

Воронов И. В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003.

Егоров В. С. Уголовная ответственность за хулиганство : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.

Егоров В. С. Уголовная ответственность за хулиганство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.

Жеребченко А. В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

Жуков Е. В. Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2003.

Зарубин В. И. Уголовная ответственность за хулиганство : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.

Кабанов П. Н. Уголовная ответственность за побои и истязание : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

Киреев А. С. Политико-правовые основы профилактики этнополитического экстремизма в Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003.

Ключниченко А. П. Административная ответственность за хулиганство и проступки, совершенные на почве пьянства (по материалам практической деятельности органов МВД Украинской ССР) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1969.

Коновалов В. С. Уголовная ответственность за причинение легкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2002.

Коржуев Е. К. Ответственность за хулиганство по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1955.

Куделич А. В. Хулиганство и убийство в уголовном праве: общее и особенное : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.

Новиков Д. В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия (политико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2002.

Осипян А. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2004.

Поминов С. Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

Скворцова Т. А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2004.

Степанов Н. В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2003.

Сергей Викторович Борисов,
доктор юридических наук, доцент;

Аркадий Викторович Жеребченко,
кандидат юридических наук

Современные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности

Учебное пособие

Корректор *Чеботарева С. О.*
Редактор *Чеботарева С. О.*
Компьютерная верстка *Ермаковой Л. С.*

Подписано в печать 26.10.2018 г.	Формат 60×84 1/16	Тираж 52 экз.
Заказ № 1852	Цена договорная	Объем 3,89 уч.-изд. л.
		4,18 усл. печ. л.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12